

Путешествие

Продолжение.
Начало в № 80

Но начнём не с этого. Чуть ли не на каждом шагу в горном Дагестане встретите каменоломни: малюсенькое семейное дело в избушке или целое небольшое предприятие – камни здесь мельчат все, ибо именно из камня в горах строили дома и выкладывали заборы, мостили улицы и украшали дворы. Сегодня это снова в моде – и бизнес уверенно набирает силу.

Что нам до того? – только одно: в горах, славящихся своим целебным воздухом, от пыли, которую поднимает ветер с дорог и несёт из каменоломен, дышать довольно неприятно. Зато, говорят, каменный дом зимой держит тепло, а летом – прохладу. Может, потому в горном Дагестане кондиционеров нет почти нигде – ни в личных домах, ни в магазинчиках, ни даже в отелях: все объясняют это тем, что ночи в горах холодные. Зимой – может быть, а вот летом полночи крутилась, умирая от жары и духоты, забывшись только в четыре часа утра, когда действительно стало хоть немного прохладнее. Правда, через час начали вдурнину орать петухи, так что в целом поспать не удалось...

Но продолжим о Гунибе, который, кстати, и переводится с аварского как «куча камней». По серпантину «вокруг горы» въезжаем в это село, ставшее районным центром Гунибского района, и почти сразу попадаем на центральную площадь – это Нижний Гуниб. За площадью вновь гора, которую, словно пояс, перерезает витиеватая дорога – путь в Верхний Гуниб, где в апреле 1859 года и укрылся имам Шамиль с сотней самых верных своих воинов. Горцы яростно сражались, но силы были неравны – Шамилю пришлось сдаться, тем самым положив конец Кавказской войне, длившейся без малого полвека. До сих пор имам Шамиль – любимый герой Дагестана, и флаг республики с ликом грозного имама в кавказской папaxe – тому доказательство.

А за несколько лет до описываемых событий, то есть в самый разгар Кавказской войны, Дагестан посетил французский писатель Александр Дюма-старший, и знаменитое фото, являющее статного Дюма-отца в колоритном горском костюме, сегодня известно всему миру. Писатель давно рвался в Россию и именно на Кавказ, но удалось ему это сделать только после смерти Николая Первого. Говоря модным нынче языком, на француза были наложены санкции за его роман «Учитель фехтования», и долгие годы Дюма был не въездным на территорию Российской империи. В романе описывалась история любви русского декабриста Ивана Анненкова и француженки Полины Гебль – вспоминаете? Именно любовь русского офицера и отважной французской девушки стала одной из сюжетных линий любимого нами художественного фильма «Звезда пленительного счастья» Владимира Мотыля.

После посещения Дагестана Дюма написал книгу «Путешествие на Кавказ», в которой описал и Сулакский каньон, и песочный бархан близ Махачкалы, и горы этой чудесной республики

Самый красивый вид на Гуниб открывается с возвышенности напротив села, и именно отсюда была сделана известная картина Ивана Айвазовского «Аул Гуниб

Нерусская Россия

Горные массивы
ДагестанаИмам Шамиль -
борец за незави-
симость Кавказа

Высокогорное село Гуниб стало последним пристанищем имама Шамиля, более 20 лет возглавлявшего борьбу Кавказа с Россией за независимость

Фоторепортаж смотрите на сайте magmetall.ru (16+)

Памятник
«Белые
журавли»Самый известный
вид ГунибаТерраса кафе «Адат»
с прекрасным видомИрганайское
водохранилище
режет глаз
своей красотой

в Дагестане». Мы тоже там побывали – чудесный вид, от которого захватывает дух. Ещё один потрясающий вид открывается с террасы кафе «Адат» – самого атмосферного едального места в Гунибе: на высоте полторы тысячи метров под лепёшку чуду, шашлык и хинкал с ароматным чаем из горных трав любуешься горами и речушкой, протекающей между ними. Это река Кара койсу, уже через пару сотен

метров превращающаяся в полноводное озеро, питающее Гунибскую ГЭС. В Дагестане даже производят вино «Кара койсу» – правда, честно говоря, дрянненькое.

Другой войной, оставившей отпечаток на Дагестане, стала Великая Отечественная. Как говорят местные жители высокогорных районов республики, многие аульцы узнали о ней, когда она подходила к середине – настолько уединённа жизнь в

горах. Не знаю, верить ли этим словам, ибо – сухая статистика: только из села Гуниб воевать с фашистами ушли более четырёх с половиной тысяч мужчин, без малого полторы тысячи погибли на полях сражений. Погибшим воинам Кавказа и было посвящено, пожалуй, самое известное стихотворение «Журавли» Расула Гамзатова – второго идола Дагестана после имама Шамиля. Поэт, родившийся в соседнем с Гу-

нибом Хунзахском районе, написал стихотворение на родном аварском языке, и в переводе оно звучало так: «Мне кажется порою, что джигиты, / С кровавых не пришедшие полей, / В могилах братских не были зарыты, / А превратились в белых журавлей». В этом виде произведение и вышло в журнале «Новый мир», где его прочёл Марк Бернес – звезда советского кино и эстрады. В то время уже тяжело больной, он уговорил Расула Гамзатовича немного поменять текст, расширив его с джигитов до всех солдат, а Яна Френкеля – написать к тексту музыку. Так и появилась пронзительная «Мне кажется порою, что солдаты...», ради записи которой Марк Бернес даже сбежал из больницы. Чуть позже в Гунибе появился и памятник «Белые журавли», инициатором установки которого также стал Расул Гамзатов. Несмотря на скромность и даже безыскусность мемориала, памятник стал одним из символов Гуниба наряду с башней имама Шамиля и крепостной стеной, построенной, правда, русскими воинами уже после пленения грозного имама, а также фактурными улочками, домиками и множеством маленьких водопадов, которыми изобилует Гуниб.

Ранним утром следующего дня настраиваем навигатор на Элисту: от Дагестана до столицы Калмыкии 640 километров, преодолеть которые планируем за шесть часов, ибо, повторяю, дороги прекрасны. Но в Элисту прибыли только спустя девять часов, потому что ну невозможно было проезжать мимо красот, открывающихся тут и там. То и дело останавливаем машину, любуемся, фотографируем, рассылает фото родным по соцсетям и мессенджерам. Чего стоит только Ирганайское водохранилище, созданное на основе реки Аварское койсу, с бирюзовой водой в окружении гор оно просто режет глаз своей красотой. Купаться, правда, запрещено, и это непонятно, учитывая, что во многих местах берега песочные – чисто пляж. А какие по дороге встречаются сёла, эффектно вписанные между суровыми горами и пронзительно синим небом! А какие колоритные мечети, ухоженные даже в самых маленьких поселениях с десятком дворов.

Спускаемся с гор, любуемся мощью Ирганайской ГЭС, возвращаемся в равнинный Дагестан с весьма унылыми пейзажами и долго-долго едем, наблюдая смену обстановки: горы исчезают, их сменяет степь, в которой часто мелькают небольшие барханы. Поднимается ветер – было уж подумали, что это и есть характерный для Калмыкии летний сухой ветер. Он гонит через дорогу песок и аж кренит машину своей силой. Даже спросить некого – километров 60 движемся в полном одиночестве, давя в себе ощущение сюрреализма. Однако навигатор показывает, что мы ещё в Дагестане. Наконец, проезжаем мимо АЗС с показательным названием «Граница», чуть дальше – серьёзный смотровой пункт, на котором полицейские в бронжилетах осматривают каждый автомобиль. Вежливый, с улыбкой, подошёл и к нам: скользнул взглядом по салону, понимая улыбку, увидел спящего сына, шёпотом попросил открыть багажник – мы свободны. Переезжаем реку Куму – неофициальную границу между Дагестаном и Калмыкией, и вот мы на территории российского очага буддизма. И, словно с родными, радостно встречаемся с вывесками популярных гипермаркетов и даже алкомаркета, которых нет ни в Чечне, ни в Дагестане. Впрочем, Элиста доказала: это ещё нерусская Россия. Расскажем в следующем номере.

✍ Рита Давлетшина

Евгений Рухмалёв